

УДК 93/94

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23

ГРАЖДАНСКИЕ ВОЙНЫ В МИРОВОМ ИСТОРИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ: ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА КОНФЛИКТА

Багдасарян В.Э.*Московский государственный областной университет**141014, Московская область, г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24*

Аннотация. Гражданские войны рассматриваются в статье в качестве универсального вызова, адресованного каждому национальному сообществу. Прослеживаются тенденции и выявляются механизмы воспроизводства гражданских войн на уровне исторического сознания народов. Проводится анализ факторов генезиса гражданских войн в мире и их российская контекстуализация. Особое значение в свете актуальных конфликтов современной эпохи придается роли в гражданских войнах внешнего фактора, что соотносится с иностранной интервенцией в России. Рассматриваются возможности целевой политики перехода от парадигмы гражданских войн к парадигме гражданской консолидации.

Ключевые слова: гражданская война; гражданская консолидация; интервенция; историческое сознание; исторические факторы; кризис.

CIVIL WARS IN THE WORLD HISTORICAL PROCESS: FACTORS OF CONFLICT REPRODUCTION

V. Bagdasaryan*Moscow Region State University**24, Very Voloshinoy ul., Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation*

Abstract. Civil wars are considered in the article as a universal challenge addressed to each national community. Tendencies and mechanisms of reproduction of civil wars at the level of historical consciousness of peoples are traced. The analysis of the factors of the genesis of civil wars in the world and their Russian contextualization is carried out. Particular importance in the light of the current conflicts of the modern era is given to the role of the external factor in civil wars, which correlates with the foreign intervention in Russia. The possibilities of the target policy of transition from the paradigm of civil wars to the paradigm of civil consolidation are considered.

Key words: Civil war; civil consolidation; intervention; historical consciousness; historical factors; crisis.

Представляемые в статье концептуальные положения являются логическим продолжением осмысления результатов проекта 2017 года, посвященного изучению исторического сознания россиян через призму столетия Революции. В рамках него проводилось голосование современных граждан России (принимали участие также жители Белоруссии и Украины), как если бы они принимали уча-

© СС ВУ Багдасарян В.Э., 2018.

ствие в выборах в Учредительное собрание сто лет назад. С большим отрывом первые позиции заняли большевики и монархисты. Результаты голосования показали, что российское общество по-прежнему расколото [1]. Но следствием такого раскола, как это показывает история, может явиться гражданская конфронтация. Получается, что все исторически проигрывается заново и матрица гражданской войны, по меньшей мере, на уровне исторического сознания, не преодолена.

Для того, чтобы лучше понять какой-либо феномен, целесообразно поместить его в ряд сопоставимых с ним явлений. Размещение в едином категориальном ряду позволяет определить главное в этом феноменологическом ансамбле и отделить его от эксклюзивного, разграничить константы и переменные, выявить воспроизводимые причинные основания. Методологически такое рядоположение необходимо для выхода на уровень парадигмального анализа, парадигмализации изучаемого предмета. Такая парадигмализация необходима и по отношению к феномену Гражданской войны. Обычно на Гражданскую войну принято смотреть через призму национального исторического нарратива [10; 11; 13]. Само по себе это и неплохо, поскольку позволяет выявить цивилизационный контекст произошедшей сто лет назад российской трагедии, но недостаточно. Нужно понять универсальные, общеисторические причины, приводящие к гражданским войнам, включая и российскую гражданскую войну. Соответственно, и замысел представленной работы состоит в рассмотрении российских реалий столетней давности не только исходя из отече-

ственного опыта, но и опыта мирового исторического процесса. Опыт такого рода рассмотрения в мировой науке и общественно-политической мысли, безусловно, есть, но оттесняется на сегодня на второй план спецификацией анализа конкретной гражданской войны [10; 12; 18].

Широкое распространение до последнего времени имело суждение, что исторические конфликты есть специфика российского общества, следствие не пережитой им идеологизированности. Однако грянувший конфликт 2017 г. в США между симпатизантами линии Авраама Линкольна и симпатизантами конфедератов, со сносом памятников, манифестациями и силовыми столкновениями, наглядно показал универсальность вызова воспроизводимости Гражданской войны. Обнаружилось, что гражданские войны имеют общее свойство воспроизводиться в исторической памяти народов и их преодоление требует выработки особой рецептуры. Оказалось, что американская Гражданская война продолжает жестко разделять американское общество даже не сто лет, как в России, а уже более полутора столетий. И вот, согласно проведенному журналом «Foreign Policy» опросу экспертов, вероятность новой гражданской войны в Соединенных Штатах составляет 35%. Некоторые известные американские специалисты по конфликтам дают и более высокую вероятность того, что вторая гражданская война в США произойдет [16; 19].

Гражданская война в России, Гражданская война в США, Гражданская война в Китае, Гражданская война в Испании, Гражданская война в Корее – ряд примеров, воспроизводимых на

уровне исторического сознания гражданских войн, может быть продолжен. Осмыслению феномена гражданских расколов и войн как вызова не только российского, но всечеловеческого масштаба, и посвящен замысел проводимого обсуждения.

Если принять за критерий гражданской войны принятый в исторической и политологической литературе уровень в 1000 и более жертв в течение года, то всего за двести лет в мире фиксируется 250 гражданских войн. Через трагедии гражданских войн прошли в то или иное историческое время почти все из существующих сегодня общностей. При расчете динамики гражданских войн по десятилетиям их количество имеет очевидный тренд возрастания. Первый значительный подъем в динамике гражданских войн приходится на начало «холодной войны». Противостояние двух сверхдержав стало фактором, конвертируемым в национальные гражданские войны. Если в девятнадцатом – первой половине двадцатого столетия в среднем за десятилетие происходило в среднем 6–7 гражданских войн, то во времена «холодной войны» – в среднем за десятилетие 18 гражданских войн. Казалось бы, с окончанием противостояния СССР – США их число должно минимизироваться, но все происходит с точностью до наоборот. На современный период истории приходится максимум гражданских войн в мире – в среднем 30 на десятилетие. Из этой динамики вытекает с очевидностью вывод, что гражданские войны, помимо внутренних факторов раскола, определяются и в значительной мере существующей системой мироустройства. Если при нынешней мироустрой-

тельной модели их число резко возросло, то, следовательно, есть в ней некие парадигмальные изъяны.

Более чем в 25 миллионов жертв оценивается результат гражданских войн, произошедших после Второй мировой войны. Это совокупно сопоставимо с Первой мировой войной. И можно констатировать, что гражданские войны сегодня, балансирующие к тому же почти всегда с переходом в масштаб войн межгосударственных, являются одним из главных вызовов для человечества [12, с. 4–5].

Межгосударственные войны современности стали, ввиду развития соответствующих технических возможностей, более краткосрочными. Можно было бы предположить, что и гражданские войны эволюционируют в этом же направлении. В действительности, все ровно наоборот. До Второй мировой войны средняя продолжительность гражданских войн составляла полтора года, и на этом фоне гражданские войны в США и России казались сверхдлительными. На историческом интервале после Второй мировой средняя продолжительность гражданских войн составляет уже более четырех лет, и есть ряд стран (например, Афганистан или Мьянма), где постоянно воспроизводимая гражданская война уже становится «естественным» существованием социума.

По ситуации за 2017 г., в мире имело место 18 гражданских войн с количеством жертв более 1000 человек за год и еще 22 войны, в которых годовые жертвы составляли от 100 до 1000 человек убитых. А есть еще и тлеющие гражданские конфликты, сопровождающиеся отдельными перестрелками, способные в любой момент пере-

расти в фазу войны. И, наконец, есть конфликты, которые можно условно определить в качестве «вербальной гражданской войны», когда противостояние очевидно и выражается на уровне языка вражды, но не доходит, возможно, за исключением отдельных эксцессов, до физических столкновений. Каждая пятая страна сегодня охвачена гражданской войной в прямом физическом смысле, и почти в каждой стране современного мира ведется вербальная гражданская война. Если этой проблемой не заниматься немедленно, мир погрузится в хаос перманентных гражданских войн с неизбежным крушением всего здания цивилизации.

В теории Томаса Гоббса война всех против всех являлась исходным состоянием, выходом из которого перед угрозой самоистребления явился общественный договор, выразившийся в учреждении на конвенциональной основе института государства. К теории в действительности можно предъявить разные претензии как с точки зрения истории, так и взгляда на человека. Но то, что Гоббс относил к праисторическому прошлому, оказалось парадоксальным образом перспективой будущего. Гражданские войны, по сути, и являются утверждением гоббсовской парадигмы «войны всех против всех». Гражданские войны, собственно, и начинаются с разрыва неформального общественного договора. Власть обвиняет в нарушении законности антивластные силы, оппозиция, напротив, говорит о том, что это сама власть и явилась нарушителем общественного договора [5].

Выйти из кризиса возможно, по видимому, только через перезаключение общественного договора. Если у

Гоббса заключение общественного договора в прошлом представляло собой некий условный образ, то сегодня для расколотых социумов о нем следует вести речь в буквальном смысле, как о результате национального обсуждения. Общественный договор должен включать, прежде всего, вопрос о базовых ценностях, на которых будет выстраиваться социум. Одной из составляющих общественного договора должно стать принятие конвенционального взгляда на национальное прошлое. Без этого формирование конвенционального взгляда на Гражданскую войну, создание единого учебника истории, о чем говорил Президент, не в формальном, а субстантивном значении, выглядит весьма проблематично.

Довольно часто во взгляде на генезис гражданских войн причины конфронтации сводятся исключительно к субъективным качествам лидеров противоборствующих групп, их фанатизму и бескомпромиссности. Но если бы все было бы так просто и не имелось бы объективных оснований конфликтов, 250 гражданских войн за последние 200 лет вряд ли состоялись бы. Гражданские войны возникали, как правило, на стадии перехода от одной модели организации общества к другой и на возникающих на этом пути развилках развития. Выделяется четыре типа гражданских войн, соотносимых с различными историческими контекстами.

Первый тип осуществляется на переходе от децентрализованного к централизованному государству, в отдельных страновых версиях – при переходе к модели государства-империи. Гражданское противоборство осуществляется здесь, как правило, в фамильном

или династическом соперничестве. Решается вопрос, какая из династий возьмет на себя роль централизатора.

Второй тип гражданских войн связан с религиозными конфликтами и распадом единой в рамках социума религиозной идентичности. Исторически в Европе это соотносится с реформационными процессами. Итогом эпохи религиозных войн, как выход из тупика религиозной конфронтации, явился переход к новой модели общества секулярного типа.

Гражданская война в России относится к третьему типу гражданских войн. Это тип войн, определяющих переход от традиционного общества к обществу модерна. При этом переходе сталкиваются между собой, условно, традиционалисты, выступающие за сохранение традиционного уклада, и модернисты, которые, в свою очередь, делятся на сторонников различных идеологических версий модернизации. Феврализм и большевизм являлись в 1917 г. как раз этими модернизационными альтернативами [2].

Наконец, происходящие сегодня гражданские войны представляют четвертый тип гражданских войн. Эти войны контекстны эпохе глобализации. В них сталкиваются три основные силы: – 1. сторонники глобализационной перспективы; 2. сторонники национального государства, атакуемого глобализаторами; и 3. контрмодернисты, часто используемые целевым образом также для разрушения национальной модели государственности (пример – ИГИЛ).

Гражданская война оказывается, таким образом, трагическим следствием объективных проблем исторического развития. Сегодня зачастую де-

монстрируется упрощенный проход к интерпретации причин гражданской войны, сведению их к злой воле неких злоумышленников – без разницы, «красных» или «белых». Но гражданская война предполагает наличие социального раскола, значимых групп граждан, готовых ради своих групповых интересов убивать друг друга. Злоумышленники же могут быть успешны только тогда, когда этот раскол является реальностью. Следовательно, для предотвращения гражданской войны недостаточно выявить «злоумышленников», а необходимо решать проблемы, провоцирующие эскалацию гражданского конфликта.

Какие это проблемы? Некоторое время назад экспертами Всемирного банка было проведено исследование, в котором использовался материал по всем происходившим в истории гражданским войнам. На основании корреляционного анализа были выявлены факторы, устойчиво обнаруживаемые в качестве причин гражданских войн. Обнаружилось, что гражданские войны не зависят от степени демократичности или автократичности общества. Известны многочисленные случаи, когда гражданские войны вспыхивали в государствах, условно позиционируемых в качестве демократических [17].

Отталкиваясь от исследований Всемирного банка и других политологических обобщений феноменологии гражданских войн в истории, можно выделить шесть порождающих их интегральных факторов.

Первый идентифицируемый фактор гражданских войн – наличие ресурса сверхобогатения. Приватизация его ограниченной группой лиц вызывает устремление к проведению

перераспределения ресурсов. В преддверии Гражданской войны в США таким ресурсом выступали, в частности, земли, аннексированные Соединенными Штатами в результате войн с Мексикой [8]. Согласно выводам исследования Всемирного банка, страны с сильной экспортноориентированной составляющей подвержены, сообразно с этим фактором, угрозам гражданской войны в наибольшей степени. Фиксировался ли фактор наличия ресурсов сверхобогащения в императорской России начала двадцатого столетия? Безусловно. Концентрация капитала была в Российской империи одной из наивысших в мире. Российская экономика была заточена традиционно под экспорт хлеба, что дополнялось с конца девятнадцатого столетия и активным экспортом сырья, прежде всего, нефти.

Второй фактор – социальная поляризация. Имелся ли этот фактор в наличии в Российской империи? Без всякого сомнения. Сегодня, правда, предпринимаются попытки показать, что все было не так уж и плохо. Но все равно, расслоение было сверхвысоким. Существовавшая и прежде поляризация в положение элиты и народа была дополнена особенно болезненным для общинного мира социальным расслоением деревни.

Третий фактор – несоответствие существующей системы представлений о справедливости. Реформа по отмене крепостного права и последующие столыпинские реформы были вызовом для традиционного крестьянского общинного понимания справедливого жизнеустройства. Та модель, которая условно определяется как капиталистическая, вызывала у многих групп

населения устойчивое ощущение творимой несправедливости.

Четвертый фактор – разрушение единой гражданской идентичности, приоритетность отдельных групповых идентификаторов перед идентификаторами общегосударственными. В новых условиях развития перехода к обществу модерна в многонациональной Российской империи Романовым, надо признать, так и не удалось выдвинуть интеграционной по отношению ко всем этническим и социальным группам идеи. Еще в меньшей степени это получилось у Временного правительства. И в ситуации, когда люди не осознают свою общегосударственную принадлежность и ставят принадлежность к нации или классу выше принадлежности к государственной общности, государство не могло не посыпаться. По большому счету, гражданская война всегда является войной идентичностей – классовых, религиозных, национальных. Таковой была и гражданская война в России.

Пятый фактор гражданской войны – этническая или религиозная доминанция и связанная с ней дискриминация по этническому и религиозному принципу, был, пожалуй, единственным из интегральных факторов, не работающим в общероссийском масштабе. Российская элита никогда не являлась этнически или религиозно замкнутой и инкорпорировала в свой состав вне зависимости от национальной принадлежности. Тем не менее и эта факторная составляющая также обнаруживается на втором плане в раскладе причин Гражданской войны в России. Она проявляется, в частности, в особо остро стоящем еврейском вопросе и известных ограничителях для этой

группы российского общества. И картина Гражданской войны была бы не полной и неадекватной, если исключить из нее погромы и антисемитизм, что не могло, естественно, не породить ответных действий. И коллегам с Украины не лишне в этой связи напомнить о зверских погромах, чинимых армией Симона Петлюры, чьим именем названа сегодня привокзальная улица в Киеве (бывшая Коминтерновская улица).

Действие пятого фактора обнаруживается также уже в ходе гражданской войны на национальных окраинах, выражаясь в этнизации возникающих государств и государственных образований. Многие из этих государств брали на вооружение националистическую идеологию и в соответствии с ней выстраивали свою политику.

Наконец, шестой фактор – это, как не парадоксально прозвучит, – фактор образовательный. Одной из причин гражданской войны оказывается нефункциональность социальных лифтингов. В традиционном обществе неротируемость элит воспринимается как данность. Но в ситуации, когда расширяется круг лиц, получивших высшее образование, и социальные претензии на статусный рост возрастают, отсутствие лифтинга становится фактором конфликта. Российская империя в начале двадцатого века находилась как раз в фазе существенного возрастания притока молодых университетских кадров, не получавших пропуска в элитарные части общества [3].

Таким образом, причины для гражданской войны имелись, и они были достаточно серьезными. Но означает ли это, что гражданская война была неизбежна? Выскажу свою точку зрения,

что в истории ничего неизбежного нет. Человек, как существо, обладающее сознанием и волей, сам конструирует свое будущее. Он решает, берется ли за оружие или договаривается с оппонентами. В православии это представление выражается положением о свободе воли. Гражданской войны, любых гражданских войн всегда можно избежать. Но для того, чтобы она не случилась, следует целевым образом устранять или минимизировать факторы ее возникновения. Нужна целевая политика гражданского мира.

Необходимо в рассмотрении истории, и гражданских войн в частности, отойти, наконец, от поиска виноватых. В советской версии виноватыми являлись белые, пытавшиеся восстановить власть помещиков и буржуазии. В версии, условно, «белой историографии», виновными были большевики, с их провозглашенной В.И. Лениным в работе «Социализм и война» установкой превратить войну империалистическую в войну гражданскую [7, с. 327]. Спор «кто виноват?» может быть бесконечным. Другого результата, чем воспроизводство гражданской войны, он дать не может. Навязывание чувства вины, как это показывает история, ни к чему хорошему привести не может. Вслед за вопросом, кто виноват в развязывании гражданской войны, следует другой – как виновные за ее развязывание должны ответить? Начинаются исторические судилища. И приговор здесь выносится одной из частей народа.

Гражданский мир есть не только вопрос для граждан той или иной страны, но и для мирового сообщества в целом. Подавляющее большинство гражданских войн происходило

и происходит при активном внешнем вмешательстве и иностранной интервенции. Гражданские конфликты поддерживаются интересантами извне. Геополитическое соперничество накладывается на гражданские конфликты, становясь зачастую, а возможно, и в большинстве случаев, доминирующим фактором конфронтации. Только Соединенные Штаты Америки после Второй мировой войны и до 2000 г. по подсчетам американского специалиста в теории международных конфликтов, профессора политологии Патрика Регана, 35 раз прибегали к военной интервенции, вмешиваясь во внутренние гражданские конфликты. Еще чаще вмешательство осуществлялось в ресурсной поддержке – деньгами и вооружением сторон конфликта, военном инструктаже, ангажированных информационных кампаниях. Такие внешние вмешательства усложняют задачи, служат эскалации конфликта. Военное вмешательство внешних сил, согласно проведенным расчетам, только в 14% приводило к прекращению активной фазы гражданской войны. В большинстве же случаев вмешательства имели обратный эффект [15].

Внешнее военное вмешательство имело место и при разрастании Гражданской войны в России. Используемое в отношении этого периода российской истории понятие «Гражданская война и иностранная военная интервенция» отражало наличие двух составляющих конфликта: внутреннего – гражданского и внешнего – геополитического. И неизвестно, какой из них был более весомым. А между тем уже в ноябре – декабре 1917 г. на уровне руководства стран Антанты принимается решение о кредитовании

антибольшевистских сил и о разделе территории России на сферы влияния государств-победительниц в мировой войне [4].

В последнее время в определении происходящих событий вторая составляющая – иностранная военная интервенция – часто опускается и вряд ли это совершенно не связано с политическим подтекстом. Напомню дискуссию Генуэзской конференции, когда в ответ на претензию к Советской России о погашении царского долга была выдвинута Г.В. Чичериным встречная претензия о компенсации за ущерб, нанесенный в результате интервенции [6, с. 293–294]. Долги царского правительства современная Россия, кстати, погасила. Вторую составляющую генуэзской дискуссии современная Россия, не в пример ряду других государств, требующих исторических компенсаций, сняла с повестки обсуждения. В конечном итоге иностранная военная интервенция сыграла против белых, так как борьба, которую вели красные, стала восприниматься населением не только как гражданский классовый конфликт, но и как защита Отечества.

Для международного сообщества как требование, которое должно быть, по-видимому, закреплено на уровне ООН, в качестве средства предотвращения гражданских войн, следует установить запрет на их внешнее инициирование. Внешняя поддержка каким-либо геополитическим актором одной силы в расколотом обществе неизбежно приведет к тому, что другой актор поддержит противоположную силу, и гражданскую войну будет уже невозможно остановить.

В ориентире достижения гражданского мира и выходе из парадигмы

гражданских войн мы, таким образом, выделяем уровень государственной политики и уровень политики в повестке деятельности мирового сообщества. Но есть еще и уровень деятельности гражданского общества. На этом уровне задача состоит в смене дискурса конфронтации, отказе в изложении истории от языка вражды.

Начать гражданскую войну, если есть соответствующие факторные основания ее развязывания – легко. Выйти из гражданской войны – крайне сложно. Гражданские войны, когда-то начавшись, имеют свойство воспроизводиться. Помимо идеологического размежевания, имеет здесь значение и тривиальный фактор мести. Если проливается однажды кровь близких, остановить человека в желании отмщения будет крайне тяжело. И такие группы, жаждущие отмщения, к 1917 г. имелись во всех слоях российского общества как на нижних, так и на верхних этажах. Близкие лиц, пострадавших при карательных экспедициях во время подавления крестьянских и рабочих беспорядков, близкие жертв еврейских погромов, близкие убитых в результате терактов чиновников, близкие казненных революционеров (один из которых носил фамилию Ульянов) – все они в совокупности создавали крайне взрывоопасную смесь. Принято датировать начало Гражданской войны маем 1918 г. – историки ведут спор о ее начале. Но с социально-психологической точки зрения гражданская война началась уже в 1905–1907 гг., и по всем критериям происходящее тогда определению гражданской во-

йны соответствует. Затем следовала десятилетняя пауза, и в 1917 г. война возобновилась снова, а в 1918 г. вышла уже на принципиально больший масштаб. Из современных примеров – яркий пример – идущая с 1978 г. гражданская война в Афганистане, то затухающая, то вспыхивающая вновь. Сегодня политологи говорят о седьмой фазе афганской гражданской войны и отсутствии реальной перспективы замирения враждующих сторон [14].

Осознавая те трагедии, которые принесла Гражданская война для России, те трагедии, которые приносят гражданские войны в мире, те расколы, которые существуют в отношении гражданских войн в исторической памяти, мы констатируем необходимость заключения нового общественного договора. Такой договор заключается как на уровне национального консенсуса, так и международного сообщества. Речь идет не о бумаге, а о широком общественном обсуждении. В фокусе этого обсуждения должен оказаться вопрос о ценностях, тот вопрос, который в современном мире оказался предельно выхолощен, но который является ключевым. Ведь политическая борьба, в том числе и гражданские войны, ведется в конечном счете за ценности, а соответственно, и без ценностного консенсуса ее не прекратить. Начать надо с консенсуса хотя бы о том, что базовой, безусловной ценностью для всех сторон вероятного политического конфликта является само существование России.

Статья поступила в редакцию 16.10.2018

ЛИТЕРАТУРА

1. Российская революция: взгляд через столетие (круглый стол) / Багдасарян В.Э., Волобуев О.В., Иерусалимский Ю.Ю., Федюк В.П., Наумов О.Н., Маслов Д.В., Федорченко С.Н., Телицын В.Л. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 22–38.
2. Багдасарян В.Э. Октябрь 1917-го. Русский проект. М.: Алгоритм, 2017. 224 с.
3. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 969 с.
4. Галин В. Интервенция. Их желанием было творить добро... М.: Алгоритм, 2017. 416 с.
5. Гоббс Т. Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: Мысль, 1991. 545 с.
6. Документы внешней политики СССР. Т. 5: 1 января – 19 ноября 1922 г. М.: Госполитиздат, 1961. 806 с.
7. Ленин В.И. Социализм и война // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1969. Т. 26. С. 307–350.
8. Согрин В.В. Гражданская война и Реконструкция в США. Современное прочтение // Новая и новейшая история. 2010. № 1. С. 21–42.
9. Alpert M. The Republican Army in the Spanish Civil War, 1936–1939. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 374 p.
10. Cunningham D.E. Barriers to Peace in Civil War. Cambridge University Press, 2011. 282 p.
11. Donald D., Baker J.H., Holt M.F. The Civil War and Reconstruction. New York: W.W. Norton & Company. 2001. 600 p.
12. Hironaka A. Neverending Wars: The International Community, Weak States, and the Perpetuation of Civil War. Cambridge: Harvard University Press, 2005. 204 p.
13. Lynch M. The Chinese Civil War 1945–49. New York: Osprey Publishing, 2010. 96 p.
14. Nojumi N. The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Region. New York: Palgrave, 2002. 260 p.
15. Regan P.M. Civil Wars and Foreign Powers: Outside Intervention in Intrastate Conflict. Ann Arbor: University of Michigan Press. 2000. 172 p.
16. Risks T.E. Will we have a 2nd Civil War? You tell me // FP [website]. – URL: <https://foreignpolicy.com/2017/03/07/will-we-have-a-2nd-civil-war-you-tell-me> (дата обращения: 14.10.2018).
17. Understanding civil war: evidence and analysis / editors Collier P., Sambanis N. Volume 1. Africa. Washington, DC: World Bank, 2005. 353 p.; Volume 2. Europe, Central Asia, and Other Regions. Washington, DC: World Bank, 2005. 370 p.
18. Walter B.F. Committing to Peace: The Successful Settlement of Civil Wars. Princeton University Press, 2002. 200 p.
19. WrightIs R. America Headed for a New Kind of Civil War? (14.08.2017) // The New Yorker [website]. – URL: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/is-america-headed-for-a-new-kind-of-civil-war> (дата обращения: 14.10.2018).

REFERENCES

1. V. Bagdasaryan, O. Volobuev, Y. Ierusalimskiy, V. Fedyuk, O. Naumov, D. Maslov, S. Fedorchenko, V. Telitsyn. Rossijskaya revolyuciya: vzglyad cherez stoletie (kruglyj stol) [The Russian Revolution: View Through the Century (Round Table)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Istorija i politicheskie nauki*, 2017, no. 5, pp. 22–38.
2. Bagdasaryan V.E. Oktyabr' 1917-go. Russkii proekt [October 1917. Russian project]. Moscow, Algoritm Publ., 2017. 224 p.

3. Buldakov V.P. *Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya* [Red dis-temper. The nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2010. 969 p.
4. Galin V. *Interventsiya. Ikh zhelaniem bylo tvorit' dobro...* [Intervention. Their desire was to do good...]. Moscow, Algoritm Publ., 2017. 416 p.
5. Gobbs T. *Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva tserkovnogo i grazhdanskogo* [Leviathan, or the Matter, form and power of the ecclesiastical state and the civil state]. Moscow, Mysl' Publ., 1991. 545 p.
6. *Dokumenty vneshnei politiki SSSR. T. 5: 1 yanvarya – 19 noyabra 1922* [Documents of the Soviet foreign policy. Vol. 5: 1 Jan. – 19 Nov. 1922. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1961. 806 p.
7. Lenin V.I. *Sotsializm i voina* [Socialism and war]. In: Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochinenii. T. 26* [Complete works, vol. 26]. Moscow, Politizdat, 1969, pp. 307–350.
8. Sogrin V.V. [Civil war and Reconstruction in the United States. Modern interpretation]. In: *Novaya i noveishaya istoriya*, 2010, no. 1, pp. 21–42.
9. Alpert M. *The Republican Army in the Spanish Civil War, 1936–1939*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013. 374 p.
10. Cunningham D.E. *Barriers to Peace in Civil War*. Cambridge University Press, 2011. 282 p.
11. Donald D., Baker J.H., Holt M.F. *The Civil War and Reconstruction*. New York, W.W. Norton & Company, 2001. 600 p.
12. Hironaka A. *Neverending Wars: The International Community, Weak States, and the Perpetuation of Civil War*. Cambridge, Harvard University Press, 2005. 204 p.
13. Lynch M. *The Chinese Civil War 1945–49*. New York, Osprey Publishing, 2010. 96 p.
14. Nojumi N. *The Rise of the Taliban in Afghanistan: Mass Mobilization, Civil War, and the Future of the Region*. New York, Palgrave, 2002. 260 p.
15. Regan P.M. *Civil Wars and Foreign Powers: Outside Intervention in Intrastate Conflict*. Ann Arbor, University of Michigan Press, 2000. 172 p.
16. Risks T.E. Will we have a 2nd Civil War? You tell me. In: FP [website]. – Available at: <https://foreignpolicy.com/2017/03/07/will-we-have-a-2nd-civil-war-you-tell-me> [accessed: 14.10.2018].
17. *Understanding civil war: evidence and analysis*. Editors Collier P., Sambanis N. Vol. 1. Africa. Washington, DC, World Bank, 2005. 353 p.; Vol. 2. Europe, Central Asia, and Other Regions. Washington, DC, World Bank, 2005. 370 p.
18. Walter B.F. *Committing to Peace: The Successful Settlement of Civil Wars*. Princeton University Press, 2002. 200 p.
19. Wright I.S. America Headed for a New Kind of Civil War? In: *Newyorker* [website]. – Available at: <https://www.newyorker.com/news/news-desk/is-america-headed-for-a-new-kind-of-civil-war> [accessed: 14.10.2018].

БЛАГОДАРНОСТИ

Исследование проведено в рамках проекта Фонда Андрея Первозванного «Гражданская война: зеркала эпохи».

ACKNOWLEDGMENTS

The study was conducted in the framework of the project of the Foundation of St. Andrew Pervozvany "Civil War: mirrors of the Era".

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права Московского государственного областного университета;

e-mail: ve.bagdasaryan@mgou.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Political Science and Law, Moscow Region State University;

e-mail: ve.bagdasaryan@mgou.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В.Э. Гражданские войны в мировом историческом процессе: факторы воспроизводства конфликта // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 12–23.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23

FOR CITATION

Bagdasaryan V. Civil Wars in the World Historical Process: Factors of Conflict Reproduction. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2018, no. 5, pp. 12–23.

DOI: 10.18384/2310-676X-2018-5-12-23